

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-21-32>

УДК 008+7.017.9

ББК 71+85.373(2)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. Л. В. Попова
г. Москва, Россия

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕЯ И КИНО РУССКОГО АВАНГАРДА

Аннотация: В статье выявляются связи учения евразийцев с творчеством русских режиссеров-авангардистов Дзиги Вертова и Всеволода Пудовкина. С этой целью анализируются кинематографические произведения вышеуказанных авторов и учение евразийцев, особенно Н. С. Трубецкого. По его мнению, для анализа русской истории необходимо учитывать географическую, политическую и хозяйственную составляющие. Особое внимание он уделял географическому фактору. Население России — Евразии включает в себя различные «человеческие расы»: как славянские и финно-угорские народности, так и тюркские и монгольские народы. Туранский элемент занимает значительную часть территории. Чингизхан объединил под своим началом все кочевые племена и ввел азиатскую государственность в России. Московская Русь после присоединения к ней бывших улусов Золотой Орды образует основу Российской империи. Взгляды Н. С. Трубецкого во многом перекликаются с идеями авангардистов. Творения режиссеров русского авангарда также связаны с азиатской темой. Идеи евразийцев проникали на советскую почву и находили свое отражение в искусстве, в том числе и в киноискусстве. Представители русского авангарда, в том числе Д. Вертов, были связаны с футуристами, журналом ЛЕФ и представителями формальной школы, которые, в свою очередь, были связаны с евразийцами (например, Р. Якобсон). Учение евразийцев и деятелей авангарда имеют общие корни, которые следует искать в истории России. Научная новизна данного исследования заключается в выявлении сходства между ними. Для исследования используется сравнительный метод. **Ключевые слова:** Д. Вертов, В. Пудовкин, Н. Трубецкой, С. Половинкин, Л. Гумилев, О. Брик, евразийство, Евразия, кинематограф, авангард.

Информация об авторе: Лиана Владимировна Попова — кандидат культурологии, преподаватель, Московский гуманитарный университет, ул. Юности, д. 5, корп. 3, 111395 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9766-7535>. E-mail: pliana@mail.ru

Дата поступления статьи: 03.10.2019

Дата публикации: 28.03.2021

Для цитирования: Попова Л. В. Евразийская идея и кино русского авангарда // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 21–32. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-21-32>

После Октябрьской революции и ряда поражений Белой армии в Гражданской войне мыслящие умы России искали выход из сложившейся ситуации. Л. Н. Гумилев,

который называл себя «последним евразийцем», выделял три направления мысли. Первая группа эмигрантов, сторонники монархизма, считала, что переворот случаен, что это — страшный сон, который пройдет. Вторая группа полагала, что гибель монархии неизбежна, но на смену должна прийти парламентская республика с капиталистическим строем, копирующая западноевропейские демократии. Сторонники третьей группы разошлись с монархистами и либеральными конституционалистами, которые, в свою очередь, сочли третье направление близким к большевизму, за исключением вопроса о религии. Новое направление получило название «евразийство» [2, с. 31], оно зародилось в эмигрантской среде в Болгарии в 1921 г. У истоков этого движения стояли Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Флоровский, П. П. Сувчинский. Позднее к евразийцам примкнули Г. В. Вернадский, Н. Н. Алексеев, Р. О. Якобсон, Л. П. Карсавин, В. Э. Сеземан, Д. П. Святополк-Мирский и др. По мнению С. М. Половинкина, свою главную задачу евразийцы видели в «выработке истинной идеологии, которая является органической системой идей, раскрывающей одну основную идею» [3, с. 751], абсолютным основанием которой является «русская православная вера, которая единственно может противостоять вере коммунистической и вытекающей из нее идеологии» [3, с. 751]. Своими предшественниками евразийцы считали славянофилов и Н. Данилевского («Россия и Европа»), но, в отличие от славянофилов, они отрицали наличие славянского культурно-исторического типа, считая, что на становление Российского государства оказала влияние государственная структура тюркских народов. Эту мысль проводил Н. С. Трубецкой в своем труде «Наследие Чингизхана. Взгляд на Русскую историю не с Запада, а с Востока», изданном в 1925 г. в Берлине.

По мнению Н. С. Трубецкого, господствующая в истории точка зрения, согласно которой основа русского государства была заложена в Киевской Руси, неверна. Киевская Русь представляла собой группу княжеств, управляемых князьями варяжской династии и находившихся в бассейнах рек, соединяющих Балтийское и Черное море (путь «из варяг в греки»). Территория Киевской Руси не только не тождественна площади России, но и не составляет и двадцатой ее доли, к тому же это речное государство не могло расширить свои границы, так как постоянно испытывало нашествия кочевников. Для анализа Российского государства, по мнению Н. С. Трубецкого, необходимо применять новый подход, учитывающий географическую, политическую и хозяйственную составляющие. Особое внимание он уделял географическому фактору. Россия имеет четыре тянущиеся с запада на восток параллельные полосы: тундровую, лесную, степную, горную. «Внешние очертания ее характеризуются отсутствием выхода к открытому морю и отсутствием той изорванности береговой линии, которая так типична, с одной стороны, для Западной и Средней Европы, с другой — для Восточной и Южной Азии» [5, с. 214]. В климатическом отношении эта область отличается как от Европы, так и от Азии рядом признаков: резкое различие между температурой зимы и лета, особое направление изотерм и ветров и т. д., которые Н. С. Трубецкой называет «континентальностью климата» [5, с. 213–214]. Все это, по его мнению, «позволяет отделять рассматриваемую область от собственно Европы и собственно Азии и считать ее особым материком, особой частью света, которую в отличие от Европы и Азии можно назвать Е В Р А З И Е Й» [5, с. 213–214]. Население России — Евразии включает в себя различные «человеческие расы»: «Между русским, с одной стороны, и бурятом или самоедом — с другой, различие очень велико. Но характерно, что между этими крайними точками существует целая непрерывная цепь промежуточных переходных звеньев. В отношении внешнего антропологического типа лица и строения тела нет резкой

разницы между великорусом и мордвином или зырянном; но от зырянина и мордвина опять-таки нет резкого перехода к черемису или вотяку; по типу волжско-камские финны (мордва, вотяки, черемисы) близко сходны с волжскими тюрками (чуваши, татарами, мещеряками); татарский тип так же постепенно переходит к типу башкир и киргизов, от которых путем таких же постепенных переходов приходим к типу собственно монголов, калмыков и бурят» [5, с. 213–214]. Таким образом, Евразия представляет собой географически и антропологически единое целое, и ее государственное объединение стало исторической необходимостью, продиктованной самой природой. На территории Евразии складывались речные оседлые государства в европейской ее части и кочевые племена в степной. Оседлым племенам приходилось постоянно сражаться с кочевниками, что мешало их развитию. Положение изменилось, когда Чингизхан объединил под своим началом все кочевые племена в единую государственную систему с военной организацией, и все государственные образования Евразии, утратив самостоятельность, должны были поступить в его подчинение. Чингизхан, по мнению Н. С. Трубецкого, выполнил историческую задачу — «задачу государственного объединения всей этой части света» [5, с. 215].

Чингизхан ввел в Евразии государственность старых азиатских культур: Китая, Персии и Индии. Для Евразии от этого была определенная польза, а для стран Азии, наоборот, вред, так как завоевание их Чингизханом затормозило их развитие. Но к Евразии Чингизхан приступил как «осуществитель исторической миссии, как создатель и организатор исторически ценного здания» [5, с. 216]. К своим подданным он предъявлял определенные нравственные требования. Более всего он ценил такие добродетели, как верность, преданность и стойкость. Пороки, которые он презирал, — измена, предательство и трусость. Согласно этим добродетелям и порокам Чингизхан делил людей на две категории. Для одних людей их материальное благополучие и безопасность выше достоинства и чести, поэтому они способны на трусость и измену. Такой человек видит в начальнике лишь силу, которой подчиняется, т. е. «он подчинен не господину, а своему страху» [5, с. 216]. Изменники и предатели способствовали успеху Чингизхана, но он никого не вознаграждал, наоборот, казнил как предателей своего господина и, наоборот, приближал тех, кто остался верен. Людей рабской психологии он держал материальным благополучием и страхом, но их к правлению он не допускал. Люди же правящего аппарата видели в нем «наиболее яркого представителя свойственного им всем психологического типа и преклонялись перед ним как перед героическим воплощением их собственного идеала» [5, с. 219]. Чингизхан считал, что такие люди имеются, главным образом, среди кочевников, тогда как оседлые народы состоят, в большинстве своем, из людей «рабской психологии». Кочевник менее привязан к материальным благам, чем оседлый горожанин или земледelec. Поэтому военно-административный аппарат Чингизхана состоял из кочевников, при этом он не руководствовался сословным принципом — его военачальники могли происходить из захудалых родов, а кое-кто был простым пастухом. Среди представителей оседлых народов Чингизхан мог найти отдельных специалистов по финансовым делам и канцелярскому делопроизводству, но отличительным признаком государства Чингизхана являлось то, «что это государство управлялось кочевниками» [5, с. 221].

Другая важная особенность государства Чингизхана — положение религии в государстве. Будучи глубоко религиозным человеком, он при этом не навязывал своим подданным какой-либо религии. В его войске были шаманисты, буддисты, мусульмане и христиане. Сам он проповедовал шаманизм. Для него было безразлично, к какой ре-

лигии принадлежат его подданные, но принадлежность их к какой-либо религии имела первостепенное значение. Татарщина стала для Древней Руси «прежде всего религиозной эпохой» [5, с. 223], Русь испытала религиозный подъем, выдвинулся целый ряд христианских подвижников, развивалось искусство.

Объединение России под властью Москвы, по мнению Н. Трубецкого, было прямым следствием «татарского ига» [5, с. 225]. Великие князья московские, ставшие «собирателями земли» Русской, были носителями общенациональной идеи. Распад Золотой Орды способствовал их успеху, так как они постепенно перешли к захвату земель, ранее принадлежавших Орде, в том числе Казанского, Астраханского, Сибирского ханств. Русские правители, по мнению Н. С. Трубецкого, сделались настоящими государственными правителями тогда, «когда от “собирания русской земли” перешли к “собиранию земли татарской” — к покорению под свою центральную власть отдельных разрозненных и обособившихся частей северо-западного улуса монгольской империи (бывшего улуса Золотой Орды)» [5, с. 228].

Почему же распалась империя Чингизхана? В качестве наиболее важных несовершенств Н. С. Трубецкой выделяет отсутствие единой государственной религии, отсутствие логической связи между догматами той или иной религии и государственным строем. Власть Чингизхана как избранника бога Неба (Тенгри) признавали только шаманисты. Шаманизм, как религия бесформенная, не воспринимался приверженцами христианства, ислама, буддизма. Они не могли обратиться в шаманизм, наоборот, при встрече с приверженцами других религий шаманисты убеждались в их превосходстве и склонялись к переходу в другую веру. Поэтому «религия верховного хана, единственная религия, мистически обосновывающая его власть, оказывалась в глазах подданных этого хана религией низшей» [5, с. 232]. Многие перешли в буддизм или мусульманство, но, с точки зрения буддизма или мусульманства, власть верховного хана казалась религиозно необоснованной. В исламе правящего халифа рассматривали как потомка пророка Магомета. Ни Чингизхан, ни его потомки не могли рассматриваться как потомки Магомета. Ислам же распространялся все больше. С буддизмом легче было совместить монгольскую государственность, так как можно было объявить правителя воплощением Будды. Это было бы возможно при некотором насилии над ортодоксальной буддийской догматикой (например, заповедь вегетарианства). Такой приспособленный к кочевому быту с элементами шаманизма буддизм (ламаизм) сделался господствующим на довольно значительной территории, в том числе среди родственных Чингизхану монголов, но распространить его на всю империю оказалось невозможным. Поэтому неудивительно, что московский князь стал пользоваться нравственным авторитетом задолго до свержения ига. Татарские вельможи, жившие среди русских, заражались религиозно-национальным подъемом и переходили в православие. Отсюда идет приток татарского элемента в русское правящее сословие. Такое обращение предполагает глубокий душевный переворот, переменить веру возможно только благодаря силе религиозного горения. Таким образом, по мнению Н. С. Трубецкого, «эти новообращенные татары, вливаясь в правящий класс, имели для России громадное значение, так как являлись представителями благородного типа кочевников, на котором Чингисхан в свое время собирался построить всю мощь своего государства, они внесли в среду русского общества элемент весьма ценный с точки зрения государственного строительства: сделались одной из надежнейших опор зарождающейся русской государственности, а в то же время, принося с собой традиции и навыки монгольской государственности, персонально закрепляли преемственную связь между монгольской и русской государственностью» [5, с. 234].

В то время русские люди ставили знак равенства между понятиями «русский» и «православный». Морфологические и языковые признаки русской расы являлись несущественными. «“Чужой” было не этнографическим, а этическим представлением» [5, с. 238]. Люди, жившие на Западе, не были православными. Защита от Запада была также одной из важнейших задач, стоявших перед Россией, требовавшая новых технических возможностей. У Запада следовало воспринять технические новшества, но была опасность впасть в зависимость идеологическую. Московские цари понимали эту опасность и не решались вступить на путь технического обучения. На это решился лишь Петр I, заимствовав иностранную технику, костюм, но при этом нарушил все нравственные устои общества, упразднил патриаршество. Русские люди, в которых сильны были нравственные устои, не могли пойти за Петром. За ним могли пойти только «нерусские, приглашенные им на службу иностранцы, либо русские оппортунисты, беспринципные карьеристы, гонящиеся за удовлетворением мелкого тщеславия или за наживой» [5, с. 238]. Петр I задал тон всей последующей русской истории. С него начинается период «антинациональной монархии» [5, с. 243]. Патриотизм заменялся преданностью личной карьере, положению в свете либо лицу, от которого все это зависело. Отсюда берут свое начало придворные интриги, фаворитизм, дворцовые перевороты. Во внешней политике русские монархи стали руководствоваться не собственными историческими традициями, а примерами европейских держав. «Россия готова была воевать и за идеи, за отвлеченные принципы, но всегда за идеи чужие, за те, которые были созданы и усвоены другими, крупными и непременно европейскими державами» [5, с. 246]. Так при Александре I и Николае I Россия воевала за «освобождение и самоопределение малых народов», за создание маленьких «самостоятельных» государств. В Первую мировую войну воевали за «свержение милитаризма и империализма». Иностранные дипломаты пытались использовать Россию в борьбе против Турции, ссылаясь на походы Олега, Игоря, Святослава. «При этом забывалось, что то, что называлось Русью во времена Олега, было совсем не то, что называется Россией теперь: для государства речного, занимающего бассейн речной системы между Балтийским и Черным морями, для государства, вся сущность которого сводилась к обладанию водным путем из варяг в греки, походы на Константинополь имели совершенно иной смысл, чем для государства континентального, вытянутого не с Севера на Юг, а с Востока на Запад» [5, с. 247]. Следствием европеизации общества явилось то, что власть, противопоставившая себя России, оказалась ненавистна всем. Образованное русское общество усваивало разные европейские идеи, причем не только те, которые были выгодны правительству. Правительству нравились идеи империализма, воинствующего шовинизма, милитаризма. Общество прельстилось как идеями либерализма, парламентаризма, так и социализма. В стране образовывались различные партии, но между ними было общее сходство — «игнорирование живой индивидуальности России, взгляд на нее только как на бездушный материал, из которого предстоит создать здание, сообразное тем или иным чужим, европейским идеям...» [5, с. 250]. Правительство и различные партии пытались создать из русского материала европейское государство, причем под этим понятием каждый понимал свое. Явилась неизбежной «борьба, вражда всех против всех, но главным образом всех против правительства...» [5, с. 250–251]. Что касается «простого народа», не затронутого европеизацией, то он жил обломками национальной, допетровской культуры. Между ним и «образованным обществом» возникает слой «полуинтеллигенции», «презирающей устои старого национального быта, но в то же время ненавидящей все более высокостоящие слои нации» [5, с. 252]. Эта «полуинтеллигенция» усвоила

кое-какие европейские идеи, причем в упрощенном виде, и принялась проповедовать их в народе, что привело к революции и свержению императорской власти. Толчком послужила мировая война. Правительство было свергнуто, к власти пришла партия, «стоявшая за наиболее трудно осуществимый, но в то же время и наиболее заманчивый из всех европейских идеалов, и Россия вступила в новый период своей истории, в период советского строя и господства коммунизма» [5, с. 253].

Является ли советский период новым, послепетровским или это всего лишь новая фаза послепетровского периода? По мнению Н. С. Трубецкого, впечатление двойственное: налицо «отказ от фальшивых славянофильских и панславистских идеологий, отказ от подражания империалистическим замашкам великих европейских держав» [5, с. 253]. Наиболее ценно то, что по отношению к Востоку «впервые взят правильный тон, соответствующий исторической сущности России — Евразии: впервые Россия признала себя естественной союзницей азиатских стран в их борьбе с империализмом стран европейской (романо-германской) цивилизации» [5, с. 253]. Россия впервые заговорила с азиатами как с равными. Особенно важным Н. С. Трубецкой считал: «Признание национальных прав всех народов, входящих в состав России — Евразии, предоставление каждому из них самой широкой автономии при сохранении единства государственного целого вполне соответствуют правильному взгляду на историческую сущность русской государственности, в создании которой участвовали не только русские, но и туранцы» [5, с. 253]. При этом советская власть в целом продолжает старый курс, взятый Петром I, новая власть также видит в России только материал и строит здание, не имеющее ничего общего с русской почвой. Как и при Петре I, Россия вновь становится прибежищем эмигрантов, политических авантюристов. Продолжается борьба с русской церковью. При этом Н. С. Трубецкой отмечает, что Петр I учреждением Синода нанес России куда более тяжелый удар, чем советская власть арестом патриарха. Безбожное и антирелигиозное государство есть порождение европейской цивилизации [5, с. 264–265]. Трубецкой видит некоторую надежду в новой России: «Если бы советская власть отказалась от коммунизма, порожденного европейской цивилизацией, то отпала бы и связь советской власти с этой цивилизацией и началась бы работа по укреплению и развитию национально-исторического бытия России. Это было бы действительно началом новой эры русской истории, эры сознательного осуществления национально-исторических задач и создания новой культуры не по чужим европейским образцам или рецептам, а изнутри, согласно национально-историческим задачам и особенностям реальной России, рассматриваемой не как безличный и бездушный материал, а как живая личность, ищущая воплощения в своей собственной культуре» [5, с. 256]. Но пока Россия находится в том же тупике, куда завел ее Петр I. Поэтому европейцы смотрят на устремления советской власти и критикуют советскую действительность, посмеиваясь над русскими дикарями. Они одобряют стремление правителей России привить им европейскую, т. е. романно-германскую, культуру. Насажение этой культуры превратит все народы мира в «европейцев второго и третьего сорта, а европейцами первого сорта останутся природные европейцы, романские, германские и англосаксонские народы, для которых эта “общечеловеческая культура” есть в то же время культура национальная» [5, с. 257]. Это поставит европейцев в господствующее положение над всем миром. И они смотрят на русский коммунизм как на союзника в этом деле, но подлинным врагом панъевропейского империализма «является не коммунизм, порожденный самой европейской цивилизацией и органически привязанный к ней, а историческая Россия, Россия — Евразия, по самому существу своему стихийно противящаяся европеизации, несмотря на все усилия ее правителей, будь то монархи или коммунисты» [5, с. 257].

Н. С. Трубецкой отмечал, что достаточно одного взгляда на историческую карту, чтобы убедиться, что территория современного ему СССР некогда составляла часть империи Чингизхана. Финляндия, Польша, Балтийские провинции, присоединенные в послепетровскую эпоху, в империю Чингизхана не входили, потому отпали, так как не было естественной связи с Россией. Соседние области, не входившие в монархию Чингизхана, но географически и этнографически связанные с Россией, удержались в составе СССР. Бессарабия, польские крессы были отторгнуты, но это, по мнению Н. С. Трубецкого, временное явление, рано или поздно это единство будет восстановлено. Он видел в присоединении Хивы и Бухары, сохранявших некоторую самостоятельность при последних русских императорах, в провозглашении советской республики Монголия продолжение связи с монархией Чингизхана. Высказывал Н. С. Трубецкой надежду на присоединение и китайского Туркестана. Таким образом, государство, именовавшееся как Россией, так и СССР, «есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом» [5, с. 212]. Тем не менее между Россией и монархией Чингизхана, считал Н. С. Трубецкой, нельзя ставить знак равенства, так как в монархию Чингизхана входила вся Азия. Сильно влияние России на Китай, Персию, Афганистан, но эти страны в ее состав не входят. Если бы Россия присоединила их к себе, «она изменила бы в корне свое историческое лицо» [5, с. 212].

Евразийцев часто обвиняли в близости к большевизму. В своей Программе евразийцы отмечали положительные с их точки зрения преобразования большевиков: перенесение столицы из Петербурга в Москву; введение принципа федерации (исправлен грех Императорской России); наличие структуры советской власти, которая может быть наполнена подлинно народным содержанием — народной властью; отсутствие буржуазного парламентаризма; уничтожение сословий; наделение правами государственной службы всех граждан; отделение церкви от государства; упрощение правописания русского языка [3, с. 751]. Наиболее важным, по мнению Н. С. Трубецкого, было то, что большевики взяли правильный курс по отношению к Востоку.

Многие положения Н. С. Трубецкого и евразийцев перекликаются с творческими экспериментами советского режиссера-документалиста Дзиги Вертова, который мог и не читать труды евразийцев, не изучать их программы. Дзига Вертов был убежденным коммунистом, посвятившим свою жизнь борьбе за дело социализма, но он создал образ новой России, созвучный России — Евразии Н. Трубецкого. В его фильме Россия предстает как особый материк, недаром он назвал ее «Шестая часть мира». В фильме «Шестая часть мира», снятом в 1926 г., Россия противопоставлена миру западного капитала. В стране капитала мы видим веселящихся людей, танцы, фокстрот, золото, меха. Позднее мы узнаем, что эти меха доставлены из Советской России. Параллельно монтируются сцены из жизни рабочих с киркой, колоний, рабов на плантациях и в то же время чернокожих музыкантов, танцев чернокожих женщин, развлекающих европейцев. В отличие от всех снятых ранее фильмов, титры в «Шестой части мира» имеют особое значение. Надписи здесь, по словам самого Д. Вертова, «как бы вынесены за скобки картины и выделены в контрапунктически построенную слово-радио-тему» [1, с. 156]. Приговор миру капитала суров: «На краю // своей // исторической // ГИБЕЛИ // ПОТЕШАЕТСЯ // КАПИТАЛ». Картины Советской России выглядят совершенно иначе: люди, купающие овец в морском прибое и в ручье; аулы Дагестана; люди, запрягающие оленей на Крайнем Севере; человек, делающий зарубку на дереве, чтобы не заблудиться в тайге; люди в лодках на реке Печоре и в океане. Эти люди и вся страна в целом, «свергнувшие // в октябре // власть // капитала, // открывшие // путь // к новой // жизни //

ПРЕЖДЕ // угнетенным // народам страны». Автор напрямую обращается к народам России: татарам, бурятам, узбекам, калмыкам, хакасам, горцам Кавказа, коми: «Вы // все // хозяева // Советской // Земли // В ваших // руках // ШЕСТАЯ // ЧАСТЬ // МИРА». Особенность своего фильма Д. Вертов определил так: «...у этой фильмы нет, собственно, “зрителей” в пределах СССР, так как все трудящиеся СССР (130–140 миллионов) являются не зрителями, но участниками этой фильмы <...>. Все граждане Союза ССР от 10 до 100 лет должны видеть эту картину. К десятилетию Октября не должно быть ни одного тунгуса, не видевшего “Шестой части мира”» [1, с. 117–118].

«Шестая часть мира» простирается от Кремля до Китайской границы, от Маточкина Шара до Бухары, от Новороссийска до Ленинграда, от маяка за Полярным кругом до Кавказских гор, от беркута на руке киргиза до гагар на скалах Ледовитого океана, до северных сов, до чаек на Черном море. До «Шестой части мира», пожалуй, так остро не поднимался вопрос о жителях национальных окраин. Представлены все четыре полюса, о которых писал Н. С. Трубецкой, и большое внимание уделено тюркским народам: кочевники, гонящие свои стада, строящие социализм народы Востока, женщины, сбрасывающие чадру, дети монголов, вступающие в пионерский отряд, буряты и монголы, читающие «Бурято-Монгольскую Правду». Как не вспомнить здесь слова Н. С. Трубецкого: «Россия, подлинная Россия историческая, древняя, не выдуманная “славянская” или “варяжско-славянская”, а настоящая русско-туранская Россия — Евразия, преемница великого наследия Чингисхана. Заговорили на своих признанных теперь официальными языках разные туранские народы: татары, киргизы, башкиры, чувашаи, якуты, буряты, монголы, — стали участвовать наравне с русскими в общегосударственном строительстве; и на самих русских физиономиях, раньше казавшихся чисто славянскими, теперь замечаешь что-то тоже туранское; в самом русском языке зазвучали какие-то новые звуко сочетания, тоже “варварские”, тоже туранские. Словно по всей России опять, как семьсот лет тому назад, запахло жженым кизяком, конским потом, верблюжьей шерстью — туранским кочевьем. И встает над Россией тень великого Чингисхана, объединителя Евразии...» [5, с. 261].

Д. Вертов воспекает процесс коллективного труда. Зритель невольно становится участником в деле преобразования страны. Мы видим стада коров, свиней, верблюдов в киргизской степи, выделку каракуля, стрижку овец и производство шерсти, выращивание зерна, хлопка, льна, табака. Перед нами предстают заводы, фабрики, нефтяные вышки, рыбные промыслы. Среди заснеженных картин мы видим оленей, песца в капкане, белку, медведя, соболя. По всем дорогам Советской России движутся экспортные товары, доставляемые по просекам, горным дорогам, караванами верблюдов, на лошадях, буйволах при любой погоде: в лютые морозы, по сугробам таежных тундр. Уходит пароход, увозя шкуры пушных зверей, и вот эти шкуры на ярмарке в Лейпциге. Экспортные товары обмениваются на машины для советской страны. С конвейера сходит советский трактор. Советская Россия становится «притягательным очагом» для рабочих Запада и народов Востока. Мы видим китайцев в военной форме, марширующих вьетнамцев, жителей угнетенных стран, поднимающихся на борьбу против ига капитала, которые будут вливаться в русло «Единого социалистического хозяйства».

Д. Вертов показывает представителей различных верований, свойственных империи Чингисхана. Мы видим буддиста, перебирающего четки, шамана с бубном и других представителей древних религий, а также древние обряды. Среди них — обряд «обновления женщины», принесение оленя в жертву богу Менкве. Все это, по мнению Д. Вертова, — пережитки прошлого. Он сопровождает свою мысль титром: «Медлен-

но // уходит // старое...». Мы видим мечети, мусульман, стоящих на коленях, бьющих поклоны до земли. Где-то верят в помощь Аллаха, где-то в помощь Христа. Мы видим христианскую церковь и священника, осеняющего себя крестом. Где-то верят в помощь Будды: перед нами предстает сцена буддистского праздника.

Сцены буддистского праздника присутствуют в фильме другого режиссера-авангардиста Всеволода Пудовкина «Потомок Чингизхана» (1928). В. Пудовкину удалось снять проведение церемонии Цан, одной из религиозных буддистских мистерий, распространенных в Монголии и Забайкалье. Цель этого обряда состоит в том, чтобы отдалить злых духов, именуемых шимнусами, от последователей Будды. Ламы надевают маски и исполняют ритуальный танец, что мы и видим в фильме «Потомок Чингизхана». Сценарий фильма был написан Иваном Новокшеновым по его одноименной повести в соавторстве с Осипом Бриком, к тому же он был немного переделан В. Пудовкиным. Сценарий фильма несколько отличается от повести. По сюжету фильма действие происходит в Монголии в 1920 г., английские колониальные войска грабят местных жителей. Главный герой, Баир, промышляет охотой. Его тяжелобольной отец лежит в юрте, за здоровье которого молятся лама, монах-ученый и сборщик милостыни на монастырь. Им предлагают скромное пожертвование, но лама недоволен: ему приглянулся прекрасный мех убитой Баиром лисы, отливающий золотом. После схватки с Баиром лама уходит ни с чем, при этом теряет старинный свиток и амулет, которые Баир забирает себе. Он едет на ярмарку вместо отца продавать меха. Англичанин хочет забрать мех за гроши, Баир избивает его. Теперь он вынужден бежать в тайгу, так как ударил «белого» человека. Баир невольно ввязывается в бой с белогвардейцами, помогая партизанам. Партизанский отряд разбит, Баир попадает в плен и приговаривается к расстрелу. Свиток и амулет, принадлежащие ламе, имеют надписи, которые указывают на то, что их обладатель — потомок самого Чингизхана. В Баира стреляли, но он остался жив, теперь англичане хотят сделать из него марионеточного правителя Монголии, чтобы извлечь выгоду. Ему предоставляют лучших врачей, окружают заботой, одевают как европейца в лучшие одежды. Он не понимает, что происходит до тех пор, пока не появляется англичанин с ярмарки, с которым у него вышла стычка. Англичанин представляется смелым охотником их степи, приносит тот самый лисий мех и дарит его одной из дам. Баир отбирает у нее мех на одном из приемов, но ему, как правителю, это прощается. Англичане расстреливают арестованного монгола, Баир вступает с ними в схватку с криком «Долой грабителей! Долой воров!». На лихом коне, с саблей наголо, он уезжает и вливается в ряды красноармейцев. В степи начинается буря, которая сметает англичан. Неспроста в Европе фильм шел под названием «Буря над Азией». Новый «Чингизхан», Баир, ведет красноармейцев в бой.

Евразийцы считали, что коммунизм есть зло. В основе учения евразийцев лежала православная вера, что противоречило воинствующему атеизму большевиков, но все же, как писал Н. С. Трубецкой, большевикам приходится осуществлять ту политику, которая «является для России естественной» [4, с. 337]. Большевики отказались от высокомерного тона европейской империалистической страны, проводят политику солидарности России и Востока. И хотя большевики осуществляют ее плохо, портят ее коммунистической пропагандой, евразийцы считали, что «азиофильская ориентация» русской внешней политики есть «единственная для России ориентация» [4, с. 338]. В провале «белого движения» евразийцы видели вину невоенных участников этого движения, не сумевших дать ему достойной его идеологии и организации управления. Евразийцы отметали обвинения в свой адрес по поводу того, что они являются особой

формой «сменовеховцев». Сменовеховцы, по мнению Н. С. Трубецкого, сделали вывод, что нужно прекратить борьбу с большевиками, евразийцы, наоборот, «стали искать новых, более действенных путей борьбы с ними» [4, с. 335].

Евразийцы, в том числе Н. Трубецкой, были убеждены, что большевиков ждет крах. Помимо идеологического кризиса, Россию ждет кризис экономический. Политика атеизма противоречит религиозности русского народа, необходимо выработать новую идеологию. Евразийцам, по выражению С. М. Половинкина, чуждо «эмигрантское пораженчество», они уповали на «новый правящий слой» [3, с. 761], на людей, которым чужд революционный пафос, — выдвиненцев в государственном аппарате и свободомыслящих студентов. Но сталинский террор подавлял любое свободомыслие, влияние эмиграции было пресечено. Поэтому нельзя не согласиться с высказыванием С. М. Половинкина, что Россия вступила не в «евразийскую эпоху», а во времена «азиатчины» [3, с. 761].

Евразийская идея о единстве России и народов Востока проникает и в искусство кино. Учение евразийцев и деятелей авангарда имеют общие корни, которые следует искать в истории России. Евразийское учение базируется на пересмотре положений историков. Тема Востока присутствует в русской культуре, начиная с древнерусской литературы («Сказание о Мамаевом побоище» и др.). Особенно широко интерес к Востоку проявился в эпоху Серебряного века. Пример тому — творчество символистов, принадлежащих к течению «Голубая роза». Азиатская степь предстает в картинах Павла Кузнецова «Вечер в степи», «Мираж в степи». В эпоху Серебряного века зарождаются многие авангардистские течения, в том числе футуризм, с представителями которого был связан Д. Вертов. Идеи евразийцев так или иначе проникали в СССР. Например, Р. Якобсон был связан как с евразийцами, так и с формальной школой, с представителями которой был знаком Д. Вертов и куда входил О. Брик, один из сценаристов «Потомка Чингизхана». Мысли многих художников и философов касательно России во многом были схожи. Н. Трубецкому было свойственно идеализировать личность Чингизхана. Д. Вертов, как художник, воспевал советское государство как государство будущего. Евразийцы мечтали о присоединении к СССР Монголии.

Таким образом, мы видим много общего в воззрениях евразийцев, особенно Н. Трубецкого, и деятелей кино-авангарда относительно близости России и народов Востока. И те, и другие уповали на создание сильного государства будущего. Учения евразийцев стали вновь популярны в 2000 х гг. в условиях современной геополитики. Россия особенно стремится развивать такие регионы, как Сибирь и Дальний Восток, а также экономические связи с Китаем и Средней Азией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Вертов Д.* Из наследия: Статьи и выступления. М.: Эйзенштейн-центр, 2008. Т. 2. 648 с.
- 2 *Гумилев Л. Н.* Историко-философские труды князя Н. С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) // *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 31–54.
- 3 *Половинкин С. М.* Евразийство и русская эмиграция // *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 731–762.
- 4 *Трубецкой Н. С.* Наш ответ: евразийство или белое движение // *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингизхана. М.: Эксмо, 2017. С. 332–342.
- 5 *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингизхана // *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 211–266.

***

© 2021. Liana V. Popova
Moscow, Russia

EURASIAN IDEA AND CINEMA OF RUSSIAN AVANT-GARDE

Abstract: The paper traces connections of the works by Eurasian and Russian avant-garde directors Dziga Vertov and Vsevolod Pudovkin. With this purpose it addresses cinematic creations of mentioned authors and teachings of Eurasian movement, especially by N. S. Trubetskoy. In his opinion, to analyze Russian history, one must take into account the geographical, political and economic components. He paid special attention to the geographical factor. The population of Russia-Eurasia includes various “human races”: both Slavic and Finno-Ugric peoples, as well as Turkic and Mongolian peoples. The Turan element occupies a significant part of the territory. Genghis-khan united all nomadic tribes under his sway and introduced Asian statehood in Russia. Moscow Rus form the basis of the Russian Empire after joining its former Golden Horde’s uluses. The views of N. S. Trubetskoy largely correlate with the ideas of avant-garde activists. The creations of the directors of the Russian avant-garde are also associated with the Asian theme. Eurasian ideas soaked up Soviet directors’ minds and translated into culture, as well as into cinematic culture. Representatives of Russian avant-garde including D. Vertov associated with futurists, LEF magazine and representatives of formal school, who in their turn were connected with Eurasians (R. Jakobson, for example). Eurasian teachings and avant-garde representatives’ perceptions have common roots to be highlighted in Russian history. The scientific novelty of this study which involved comparative method is due to identifying similarities between them.

Keyword: D. Vertov, V. Pudovkin, N. Trubetskoy, S. Polovinkin, L. Gumilev, O. Brick, Eurasianism, Eurasia, cinema, avant-garde.

Information about the author: Liana V. Popova — PhD in Culturology, Lecturer, Department on Philosophy, Cultural science and Political science, Moscow University for the Humanities, Yunosti, 5, bldg 3, office 423, 111395 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9766-7535>. E-mail: pliana@mail.ru

Received: October 03, 2019

Date of publication: March 28, 2021

For citation: Popova L. V. Eurasian idea and cinema of Russian avant-garde. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 59, pp. 21–32. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-21-32>

REFERENCES

- 1 Vertov D. *Iz nasledii: Stat'i i vystupleniia* [From the heritage: Articles and speeches]. Moscow, Eizenshtein-tsentr Publ., 2008. Vol. 2. 648 p. (In Russian)
- 2 Gumilev L. N. *Istoriko-filosofskie trudy kniazia N. S. Trubetskogo (zametki poslednego evraziitsa)* [Historical and philosophical works of Prince N. S. Trubetskoy (notes of the last Eurasian)]. In: Trubetskoi N. S. *Istoriia. Kul'tura. Iazyk* [History. Culture. Language]. Moscow, Progress Publ., 1995, pp. 31–54. (In Russian)
- 3 Polovinkin S. M. *Evraziistvo i russkaia emigratsiia* [Eurasianism and Russian emigration]. In: Trubetskoi N. S. *Istoriia. Kul'tura. Iazyk* [History. Culture. Language]. Moscow, Progress Publ., 1995, pp. 731–762. (In Russian)

- 4 Trubetskoi N. S. Nash otvet: evraziistvo ili beloe dvizhenie [Our answer: Eurasianism or the white movement]. In: Trubetskoi N. S. *Nasledie Chingizkhana* [The Legacy of Genghis Khan]. Moscow, Eksmo Publ., 2017, pp. 332–342. (In Russian)
- 5 Trubetskoi N. S. Nasledie Chingizkhana [Genghis Khan's Legacy]. In: Trubetskoi N. S. *Istoriia. Kul'tura. Iazyk* [History. Culture. Language]. Moscow, Progress Publ., 1995, pp. 211–266. (In Russian)